

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-764-766

ТРОШИНА Дарья Игоревна,
Юридический факультет ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», Россия, Москва,
e-mail: trtroshina@mail.ru

НЕКРАСОВ Артем Иванович,
Юридический факультет ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», Россия, Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу современного состояния и перспектив трансформации правового регулирования цифровых валют. В работе исследуются ключевые подходы к определению юридической природы цифровой валюты в контексте динамично меняющегося национального законодательства. Авторы проводят сравнительно-правовой анализ существующих регуляторных моделей, выявляет пробелы в правоприменительной практике и предлагает приоритетные векторы развития законодательных инициатив. Особое внимание уделяется вопросам разграничения частных цифровых валют и цифровых валют центральных банков.

Ключевые слова: цифровые валюты, криптовалюта, правовой статус, финансовое регулирование, цифровой рубль, блокчейн, национальное законодательство, цифровые финансовые активы.

TROSHINA Daria,
Law Faculty of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

NEKRASOV Artem,
Law Faculty of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

LEGAL STATUS OF DIGITAL CURRENCIES: VECTORS OF DEVELOPMENT OF NATIONAL LEGISLATION

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the current state and prospects for transforming the legal regulation of digital currencies. It explores key approaches to defining the legal nature of digital currency in the context of dynamically evolving national legislation. The authors conduct a comparative legal analysis of existing regulatory models, identify gaps in law enforcement practices, and propose priority areas for legislative development. Particular attention is paid to the distinction between private digital currencies and central bank digital currencies.

Key words: digital currencies, cryptocurrency, legal status, financial regulation, digital ruble, blockchain, national legislation, digital financial assets.

Появление цифровых валют в экономическом обороте породило дискуссию об их правовой природе и возможно-

сти их классификации как средства платежа. Этот феномен заставляет задуматься, являются ли электронные деньги вершиной эволюции или

лишь подтверждением функциональной теории. В рамках конвенциональной теории решающее значение имеет институциональное признание актива. Следовательно, перспективы легитимации таких инструментов, как цифровые валюты центральных банков (далее – ЦВЦБ), определяются не их характеристиками, а готовностью общества и государства закрепить за ними соответствующий юридический статус.

Понятие ЦВЦБ появилось в 2013 году, однако сама концепция зародилась как реакция на вызовы со стороны частных криптовалют. Государства увидело в виртуальных активах угрозу монетарному суверенитету и стабильности финансовой системы. Создание ЦВЦБ стало способом нейтрализовать эти риски и защитить традиционные формы денег – наличные и электронные. Так, регуляторы стремились адаптироваться к изменениям и укрепить свои позиции. ЦВЦБ изначально задумывались как государственный «ответ» на экспансию частных цифровых активов, предложив пользователям безопасную государственную альтернативу с аналогичными технологическими преимуществами. Следовательно, регуляторы стремились не запретить прогресс, а адаптироваться к изменениям и укрепить позиции в новой цифровой реальности.

В российском праве базовая дефиниция цифровой валюты закреплена в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 года № 259-ФЗ [2]. Закон определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных (цифрового кода/обозначения), содержащихся в информационной системе, которые могут быть предложены и (или) приняты в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких данных. С точки зрения правовой методологии важно не просто повторить дефиницию, а разложить её на юридически значимые признаки и сопоставить с соседними категориями: деньгами (наличными и безналичными), электронными денежными средствами, цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами (ЦФА), информацией и иным имуществом.

Сравнение цифровой валюты с деньгами неизбежно, поскольку закон прямо упоминает возможность использования цифровой валюты как средства платежа. Однако денежная категория в российском праве имеет фундаментальные признаки, которые сводятся не только к способности меняться на товары. Деньги — это, во-первых, законное платежное средство, во-вторых, инструмент с публично-правовой легитимацией (эмис-

сия, стабильность денежной системы, обязательность приема в определенных случаях). Гражданский Кодекс РФ прямо фиксирует, что рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости (ст. 140 ГК РФ) [1]. В финансово-правовой доктрине И.И. Кучеров последовательно подчеркивает: статус законного платежного средства – это «юридический маркер» денег как института, обеспеченный публичной властью и выражающий монополию государства на денежное обращение [4].

Однако, цифровая валюта этим критериям не соответствует. ФЗ № 259 и сопутствующие нормы не признают цифровую валюту законным платежным средством, а напротив – вводят ограничения на её использование как встречного предоставления за товары (работы, услуги). Следовательно, в настоящих реалиях, цифровая валюта может функционировать как деньги в экономическом и поведенческом смысле, но в юридическом смысле деньги и цифровая валюта – разные категории. Поэтому, следует понимать, что функциональная похожесть не равна правовой тождественности.

Юридически важно и то, что денежная природа предполагает существование легального номинала и режима погашения обязательств. Цифровая валюта не имеет номинала, обеспеченного государством, и не существует в режиме исполнения денежного обязательства по умолчанию. Она не заменяет рубль как универсальный эквивалент, а лишь может выступать объектом договорного обмена – как правило, по модели мены или купли-продажи иного имущества (с оговорками о допустимости конструкции и целях сделки). Поэтому корректнее рассматривать цифровую валюту как имущественный объект, который иногда используется в расчетах, но не превращается от этого в деньги.

Отдельная дискуссия связана с термином «валюта». Традиционно, «валюта» в гражданско-правовой терминологии часто тяготеет к деньгам (в том числе иностранным), что создает конфликт смыслов: слово денежное, режим – имущественный. Н.С. Александрова справедливо отмечает неоднородность законодательного подхода: сам термин и указание на потенциальную платежную функцию сближают цифровую валюту с деньгами, но одновременно закон ограничивает её использование как средства платежа и в ряде актов признает её имуществом [3]. Эта двойственность – не стилистическая, а юридически значимая: она влияет на выбор правовых конструкций сделок, защиту прав, последствия банкротства и т.д.

А.И. Савельев указывает, что электронные деньги — это форма существования денежных средств в цифровой среде и элемент платежной системы; их нельзя смешивать с криптовалютами/цифровыми валютами, где отсутствует эмитент и обязательство погашения [5]. Отсюда два принципиальных вывода:

- электронные деньги сохраняют юридическую связь с государственно признанной денежной единицей;
- цифровая валюта такой связи не имеет и не погашается в силу обязательства эмитента.

Таким образом, цифровая валюта не тождественна электронным деньгам. Если электронные деньги – это обязательственные права требования к эмитенту (цифровой аналог безналичных денег), то цифровая валюта – самостоятельный цифровой объект, обращающийся в сети напрямую между пользователями. На практике это проявляется и в режиме регулирования: операции с электронными денежными средствами осуществляются через лицензированные организации (банки, операторы платёжных систем) под надзором регулятора, тогда как операции с цифровой валютой до недавнего времени происходили в значительной степени в нерегулируемом пространстве. Теперь, с принятием закона о цифровой валюте, введены требования к организаторам обмена криптовалют (например, они должны быть включены в реестр ЦБ РФ), но природа самой криптовалюты (децентрализация, отсутствие эмитента) остаётся прежней.

Цифровая валюта предстаёт как самостоятельная правовая категория, обладающая специфическими чертами, отличающими её от традиционных денег, электронных денежных средств и иных цифровых активов. Законодательное определение цифровой валюты в РФ закрепило её особый статус. Так, криптовалюта признана объектом гражданских прав (имуществом), но при этом ей отказано в роли законного средства платежа.

Практика регулирования будет развиваться по мере накопления опыта оборота цифровых валют. Уже сейчас ясно, что криптовалюта обладает самобытностью и не может быть полностью подведена под существующие категории без адаптации законодательства. В то же время, выделение цифровой валюты в отдельную правовую категорию – оправданный шаг, позволяющий формировать специальные правила, учитывающие её природу. Можно прогнозировать дальнейшее совершенствование законодательства: от нового налогового и валютного регулирования до возможно постепенного открытия возможностей использования криптовалют при условии контроля. Вывод таков, что цифровая валюта стала новым феноменом в правовой системе, стимули-

рующим эволюцию правовых концепций. Она занимает пограничное положение между вещью и имущественным правом, между платёжным средством и инвестиционным активом. Это требует балансирующего подхода в регулировании: признания экономической ценности и легитимности владения криптовалютой – с одной стороны, и введения разумных ограничений и гарантий – с другой. Только при условии устранения правовых пробелов и международного сотрудничества в этой сфере цифровая валюта сможет полноценно интегрироваться в правовой порядок, не утратив при этом своих уникальных свойств.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 2.
- [2] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 года № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 31. Ст. 5018 (Часть I).
- [3] Александрова Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 28–31.
- [4] Кучеров И. И. Законное платёжное средство как категория финансового права // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 50–58.
- [5] Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–154.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 03.08.2021) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 2.
- [2] Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 31.07.2020 No. 259-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020 No. 31. Art. 5018 (Part I).
- [3] Alexandrova N. S. Ratio of the concepts of “digital rights,” “digital currency” and “digital financial asset” //Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. S. 28-31.
- [4] Kucherov I. I. Legal tender as a category of financial law//Journal of Russian Law. 2014. № 8. S. 50-58.
- [5] Savelyev A.I. Cryptocurrencies in the system of civil rights objects//Law. 2017. № 8. S. 136-154.